

Моё детство в Кёнигсберге

Меня попросили поделиться своими очень личными воспоминаниями о моём родном городе, о том, как я ещё будучи ребёнком жила в Кёнигсберге.

В первую очередь – специально для молодёжи! – я показываю географическое положение с помощью карты времён до Второй мировой войны.

Карта Германии до 1939 г.

Восточная Пруссия находится на северо-востоке.

Карта Восточной Пруссии

Карта Восточной Пруссии с Кёнигсбергом. Мы видим Балтийское море, Куршский залив и Куршскую косу. Но об этом чуть позже.

Семья

Карта Кёнигсберга

В 1933 году я родилась старшей из четырёх детей в нашей семье, это было в Марауненхофе, северном пригороде Кёнигсберга, меня крестили в Бургкирхе. Через год мы переехали в пригород Кёнигсберга Амалиенау.

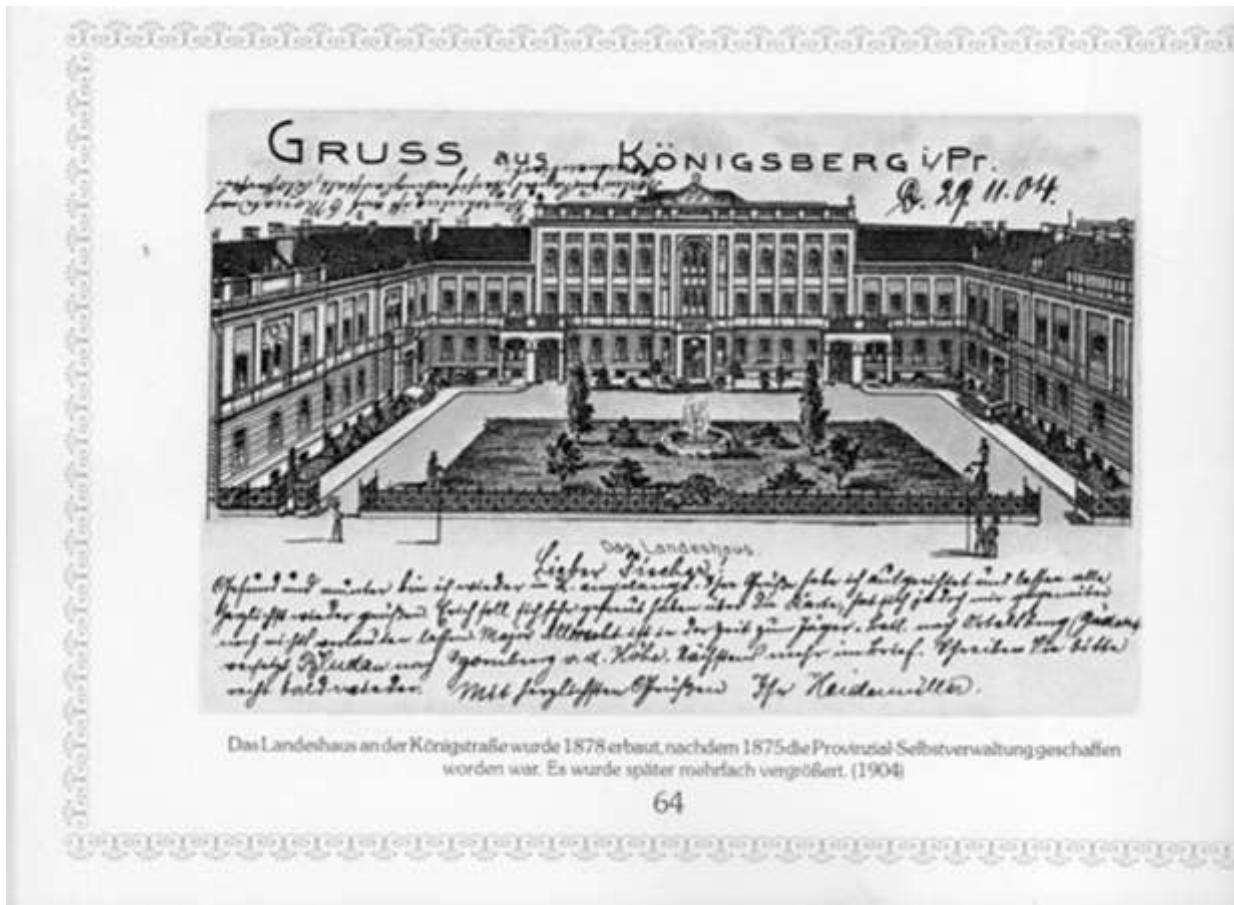

Карта Амалиеная

Моя семья

Мой отец происходил из семьи Шиммельпфенниг, которая жила в Восточной Пруссии со времён Реформации. Наши предки были пасторами, а затем юристами. Мой отец также был юристом и работал государственным служащим в администрации провинции Восточная Пруссия в качестве регионального советника. Его служебное место находилось в здании администрации провинции.

Здание администрации провинции (Ландесхаус)

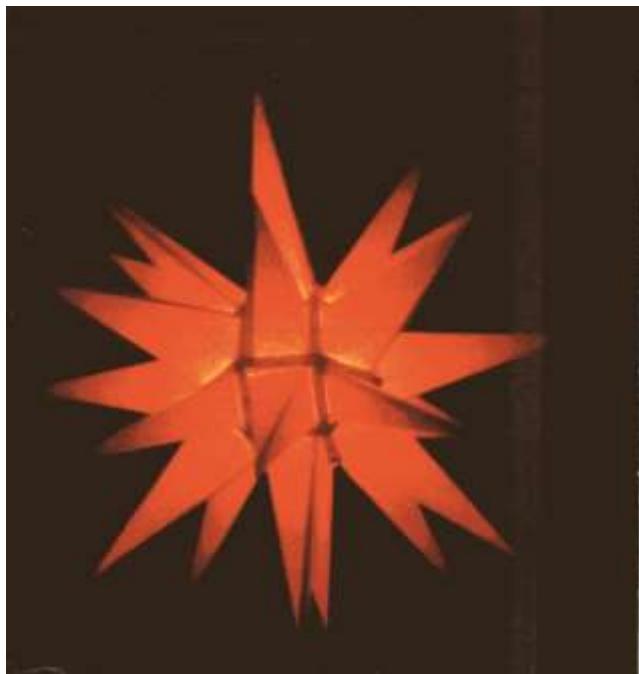
Мой отец был очень ответственным человеком. В своей работе он определённо был типичным добросовестным прусским государственным служащим. Поскольку я хорошо знала своего отца, для меня было очень поучительным и многое проясняющим то, что я недавно прочитала в воспоминаниях моей матери: она написала, что мой отец позвонил ей в 1933 году и взволнованно попросил её немедленно прийти на Парадную площадь, он должен был обязательно поговорить с ней. Она написала, что никогда не видела его таким возбуждённым. Глава администрации Блунк попросил его и ещё одного регионального советника стать членами НСДАП, в противном случае их заменили бы партийные, не имевшие профессиональной подготовки. Посоветовавшись с мамой, отец решил вступить в НСДАП. Сам Блунк сказал, что не вступит в партию, потому что собирается уйти на пенсию.

В 1939 году, когда мы проводили летние каникулы в Ниддене на Куршской косе, моего отца призвали на шестинедельные военные учения. Оттуда ему пришлось сразу отправиться на фронт в Польшу, затем во Францию, а затем в Россию. В 1946 году он вернулся из плена. Мы видели отца в годы войны редко, только когда он приезжал в отпуск.

Моя мама выучилась на преподавателя ремесла в Восточно-Прусской Ремесленной школе для девушек в Кёнигсберге.

Мои любимые бабушка и дедушка по материнской линии жили на Лортцинг-штрассе (ныне ул. Носова). Зоопарк находился через дорогу от их квартиры.

Мой дед был профессором философского факультета Альбертины. Он был очень музыкален. В годы войны, когда отец был на фронте, мы с мамой праздновали Рождество в доме дедушки и бабушки. Когда мы пели рождественские песни, дедушка очень красиво аккомпанировал нам на пианино. Он свободно играл без нот. Большая Моравская звезда освещала рождественскую комнату красивым красным светом.

Моравская звезда

Моя бабушка была председателем GEDOK = Ассоциации немецких и австрийских художниц и почитательниц искусства. Искусство, литература и игра в бридж играли в её жизни важную роль.

Моё самое раннее воспоминание детства – когда мне было 3 ½ года. В июле 1944 года, когда мне было 11 лет, я уехала из Кёнигсберга. Таким образом, мои собственные воспоминания о Кёнигсберге ограничены периодом с 1936 года до нашего бегства 11 июля 1944 года.

Я выросла со своими тремя младшими братьями и сёстрами в безопасном детском мире, в том числе, полностью защищённом от политических событий. Насколько я помню, то немногое, что я узнала о политической ситуации в детстве, происходило вне семьи.

Моя мама держала нас подальше от проблем, в том числе потому, что сама видела мир с его положительной стороны. Это определённо давало ей силы лучше справляться с этим трудным временем. В своей памяти я вижу свою жизнь в Кёнигсберге и Амалиенau в самых ярких, радостных и светлых красках.

Здесь я забегаю вперёд: после окончания войны, мне как раз исполнилось 12 лет, мы узнали о преступлениях в 3-м Рейхе. Мы с братьями были в ужасе, это был шок. От нас больше не скрывали то, что произошло в 3-м Рейхе, о чём мы, дети, до этого понятия не имели. Мы узнали обо всём этом ужасе и злодеяниях при национал-социализме. Нам, детям и подросткам, было трудно или даже совсем не понять, что произошло. Послевоенное время у меня осталось в памяти серым, как сумрачную и пасмурную погоду. Мы потеряли доверие там, где доверяли раньше. Для меня закончилось детство, в котором я ни в чём не сомневалась, и началась юность, в которой я всё ставила под сомнение.

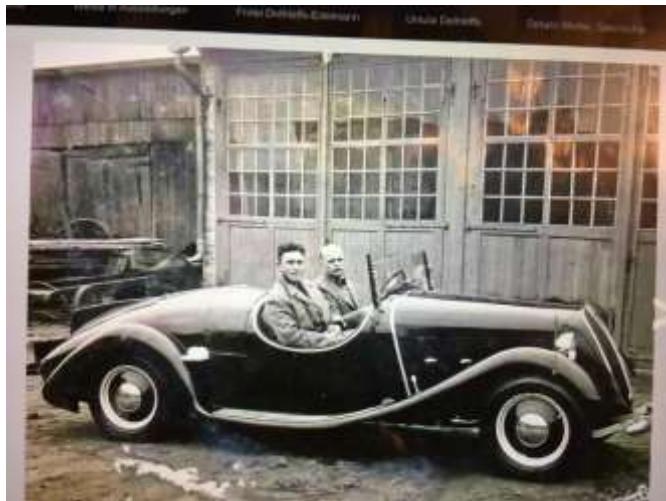
Но вернёмся в то время, которое для меня было совершенно безмятежным.

Квартира

Мы жили на Риттерштрассе 17 в 3-этажном доме с пятью семьями и квартирой смотрителя в цокольном этаже.

Наша квартира представляла собой 5,5-комнатную квартиру на мансардном этаже с большим балконом, встроенным в крышу.

За домом был сад с детской площадкой. Однако мы предпочитали играть в окрестностях дома и на улице. Однажды я обнаружила на улице чудесную горку, выкрашенную в чёрный цвет и очень красивую по форме. Однако меня сбили с «горки» пощёчиной. Смысл я уловила лишь позже: это было крыло кузова очень шикарной машины, лимузина «Адлер», которое я выбрала в качестве горки для катания.

Лимузин «Адлер»

Наше радио, которое играло на кухне, было так называемым «Народным радиоприёмником», это было обычное радио в то время.

«Народный радиоприёмник»

Была только одна программа, политически ориентированная. Слушать другие станции было категорически запрещено. Насколько я помню, во время войны часто были специальные сообщения, которые озвучивались очень навязчивой музыкой. Они создавали, по крайней мере для нас, детей, ощущение постоянных успехов на войне. С помощью «Народного радиоприёмника» было невоз-

можно слушать немецкоязычные так называемые «вражеские радиостанции», такие как, например, «Беромюнстер» из Швейцарии и «Би-би-си в Лондоне», которые пытались объяснить немцам реальную ситуацию.

Когда ночью объявляли воздушную тревогу, мама обычно не вытаскивала нас из постели, когда начинали вить сирены, а только когда уже были слышны самолёты. Но тогда нужно было очень быстро спуститься в бетонное бомбоубежище, встроенное в наш подвал, где нам были приготовлены кровати. Днём мы часто видели самолёты Красной Армии. Это были тяжёлые машины, которые низко летали над крышами и были очень шумными. Насколько я помню, самолёты Красной Армии бомб на город не сбрасывали. Британцы прилетели сюда только в августе 1944 года, совершив крупный бомбардировочный авианалёт, который вызвал громадные разрушения в Кёнигсберге. К тому времени мы уже уехали из Кёнигсберга.

Жизнь во время войны, безусловно, принесла с собой то, что мышление нас детей сформировалось в категориях друг/враг. Даже когда я приехала в Англию в 1952 году, я не смогла полностью преодолеть это чувство. За время, проведённое мною с целью изучения языка в качестве гувернантки в семье англичан, я с благодарностью узнала, насколько в корне неверно это мышление в категориях друг/враг.

Во время войны нам приходилось хорошо знать затенять окна по ночам, чтобы ни один луч света не проникал наружу, и не давал возможности ориентировки самолётам. В любой момент мог прийти и проверить квартальный смотритель. НСДАП использовала таких квартальных смотрителей для «защиты» и наблюдения за жителями. Они могли в любое время написать донос на каждого, иногда преднамеренно. Некоторых из них люди очень боялись.

Персонал

Тогда не было бытовой техники, зато в так называемых хороших бургундских семьях был персонал.

У нас была «горничная», которая жила с нами, и «прачка». По понедельникам она часто стояла в прачечной в подвале, всегда в густом облаке пара, и большой деревянной ложкой помешивала бельё в огромном котле, подогреваемом на огне.

Ещё у нас была швея, на моей памяти она шила одежду для нас, детей, но, конечно, ей и чинила, и штопала её.

Между прочим, в те годы несколько друживших между собой матерей обычно собирались на регулярный «кружок кройки и шитья».

А ей к нам регулярно приезжал крытый фургон, запряжённый тяжёлыми лошадьми. Он привозил нам куски льда для «подвала-ледника», названного так потому, что лёд был в нём охлаждающим элементом и его приходилось заменять всякий раз, когда он таял.

Игры и наше окружение

Если мы не играли в детской, то мы в основном играли на улице или вокруг дома. Мне особенно понравилось залазить на фруктовое дерево, которое росло в нашем саду. За нашим многоквартирным домом у каждой семьи был огороженный сад. Во время игр вокруг дома мы награждали соответствующих победителей воинскими званиями, все начиналось с «солдата» и заканчивалось «генералом»... Мы все, конечно, знали звания, потому что всегда видели соответствующую форму на улицах города. Военнослужащие были обязаны носить форму даже в отпуске и в свободное время. Униформа играла важную роль в повседневной жизни на улицах, и её было очень много и разных видов: Вермахт, СА, полиция, Гитлерюгенд, почтовые служащие, вагоновожатые и т.д. Униформа отражала задачи, которые необходимо было выполнять, и придавала её владельцам значимость,

которой в глазах нас детей гражданские не имели. Конечно, мы также видели много и разных видов медалей и значков.

Медали за военные заслуги, которые мы, дети, знали и которые обязаны были носить военные, должны были, так сказать, олицетворять ценность людей. Также часто можно было увидеть партийные и служебные значки.

Были также менее известные, например, «Материнский крест», если у женщины более трёх детей.

«Материнский крест»

«Материнский крест» давал право на всевозможные льготы и преимущества. Таким матерям не приходилось стоять в длинных очередях перед магазинами. Они имели право на место в общественном транспорте и т. д.

Говоря о значках и знаках, я, с другой стороны, должна упомянуть и «Звезду Давида», которую в фашистской Германии евреи обязаны были пришивать к одежде.

«Звезда Давида»

Я помню, что хотя её и носили на видном месте, но всё же старались как-то скрыть. Однажды мой брат совершенно непредвзято спросил одного молодого человека, что это у него за звезда. Он ответил, что моему брату не следует говорить с ним и здороваться, иначе нашим родителям несдобровать...

Однажды, когда мы играли на улице, с нами заговорила женщина и пригласила в воскресенье на детскую церковную службу в церкви Христа в районе Ратсхоф. Мы ходили туда однажды. Как выяснилось, эта церковь принадлежала так называемым «Немецким христианам»...

Флаг «Немецких христиан»

«Немецкие христиане» были согласны с идеями национал-социализма, были расистами, антисемитами, поклонялись фюреру и с 1933 года отчасти занимали руководящие должности в протестантской церкви.

Церковь Христа в Ратсхофе была построена архитектором Фриком. Мы хорошо его знали, он построил необычный дом для своей семьи в непосредственной близости от нас, для меня этот дом был самым красивым:

Das Landhaus von Prof. Kurt Frick, ab 1933 Direktor der Staatl. Meisterateliers für die bildenden Künste. (früher Kunstabakademie) Architekt Frick baute 1936-37 die Christus-Kirche in Rathshof.

Вилла Фрика.

В саду виллы мы дети под руководством Фрика построили из снега иглу.

Иглу (исторической фотографии нет).

Для этого мы сами делали блоки из снега в форме кирпичей. Когда мы достроили круглое иглу и уложили самый верхний блок, Фрик сказал, что теперь мы можем без труда развести в этой хижине огонь, чему я не могла поверить. Правда, мы так и не попробовали это сделать.

К сожалению, я никогда больше видела такого обилия снега в тех местах, где мы позднее жили, и скучаю по таким зимам.

Наш жилой район

Амалиенау был зелёным пригородом Кёнигсберга с многочисленными виллами. Помимо вилл, здесь были и многоквартирные дома. В одном из них мы жили с ещё четырьмя молодыми семьями, это всё были люди с высшим образованием, с многочисленными (13-ю) маленькими детьми. Я была одной из старших.

Напротив нашего дома находилась большая вилла, в которой размещалось Генеральное консульство Японии. Однажды нас пригласили туда на чудесный большой детский праздник. Мне как ребёнку казалось, как будто войны не было. Были особенные сладкие блюда, и я до сих пор помню много красочных, странных фигурок животных, парящих над нами.

Наша Риттерштрассе 21 пересекала Кёрте-Аллею (Амалиенау, ныне улица Кутузова) на площади Фридрих-Вильгельм-Плац.

Кёрте-Аллея была названа в честь Зигфрида Кёрте, бывшего обер-бургомистра Кёнигсберга. Помимо улицы был зелёный газон с тропинкой. Я не уверена, была ли это тропинка или дорожка для верховой езды. Многие из наших друзей, но также и многие люди, важные для Кёнигсберга, жили на Кёрте-Аллее, например, обер-бургомистр Вилль и президент Рейхсбана (государственных железных дорог) Бауманн. В конце Кёрте-Аллеи находился кинотеатр «Скала», где я с огромным восторгом посмотрела свой первый в жизни фильм. Этот кинотеатр существует и сегодня (кинотеатр «Заря»).

Во время сегодняшних экскурсий по городу автобусы проезжают через Амалиенау, как правило, вдоль по Кёрте-Аллее (ныне это улица Кутузова) с её многочисленными до сих пор сохранившимися виллами. Когда я впервые после войны вернулась в Кёнигсберг – через 50 лет после того, как я из него уехала – я посетила все бывшие дома наших знакомых. Я нашла и узнала всех эти дома даже без помощи записанных мной номеров домов. К моему удивлению, номера домов совпадали со старыми.

Но вернёмся во времена моего детства:

Однажды мама взяла нас с собой, чтобы попрощаться с семьёй Винтер, это было недалеко, на Каштановой аллее. Они уезжали за границу. В то время мы, дети, не знали, что это значит. Мы ещё не знали слова эмиграция. Мы очень по-дружески попрощались, но я заметила, что нас не пригласили внутрь. После этого вилла Винтер была захвачена СС.

Вилла Винтер

Площадь Фридрих-Вильгельм-Плац, была во время войны разделена на 2 части, на ней из-за угрозы авианалётов были выкопаны 2 пожарных пруда в форме клина. Глина была свалена по бокам, образуя крутые холмы. Зимой мы, братья и сестры с соседскими детьми, забавлялись, спускаясь на санках по крутому склону в сторону пожарных прудов. Нашей целью было остановиться перед прудом, который целиком не замерзал и не был ограждён. Однажды мне это не удалось... После того, как лёд начинал таять, мы с радостью прыгали со льдины на льдину, некоторые из которых опрокидывались позади вас, это было весьма небезобидное занятие. Невероятно, когда я представляю, что это делали бы мои дети или внуки...

Чуть дальше находился живописный пруд Хаммертайх (ныне озеро Дзержинец на ул. Катина)

Там находилась общественная купальня. В наше время её уже не разделяли на мужскую и женскую части, как это было раньше. Здесь я учились плавать и могла полюбоваться мамой, которая совершала весьма элегантные прыжки вниз головой с 3-х метровой высоты.

Пруд Хаммертайх

Недалеко от Хаммертайха находились пруды-близнецы Цвиллинг-тайхе (ныне пруд Поплавок) на которых мы с удовольствием катались зимой на коньках.

Пруды-близнецы Цвиллинг-тайхе,

Зимой мы часто ходили с санками на гору Файльхенберг (южнее Центрального парка у Детской областной больницы), с которой можно было кататься на санях. На горе Файльхенберг тогда находилась радиовещательная станция.

Гора Файльхенберг

Мост Ратсхоф

Мой отец часто ходил с нами на этот мост, который по диагонали пересекал над рельсами станцию Ратсхоф. Мы садились на край моста, болтая ногами, и наслаждались, когда паровозы выпускали пар и нас окутывали клубы пара. Я до сих пор помню запах, это был только пар, без дыма.

Магазины

Я помню молочный магазин на Каштановой аллее, куда нам приходилось каждый день ходить с бидонами за молоком, которое в то время продавалось на разлив, и другие магазины, например, на Лавскер-аллее (проспект Победы). Почти всегда приходилось стоять в очереди. Иногда приходила наша мама, она могла пройти без очереди, потому что у неё был «Материнский крест». Мы всегда считали правильным то, что делала наша мама, и никогда не подвергали это сомнению.

В то время часто случалось, что многие одноклассники теряли своих отцов на войне. В то время говорили, что отцы пали в бою. При всём трагизме для нас, детей, это было частью нашей жизни, также, как и то, что в повседневной жизни появлялось всё больше ограничений, становилось всё меньше и меньше продуктов и становились всё более важными продуктовые карточки.

Продуктовые карточки

Школы

В начальной школе я училась в школе Гиппеля, это была школа для девочек. Другая половина этого здания была школа Крауса, школа для мальчиков, в которую ходил мой брат, а также наш незабываемый Михаэль Вик.

Школа Гиппеля и Крауса (ныне корпус БФУ им. Канта на ул. Чернышевского)

Михаэль Вик

Вместе с «Обществом друзей Канта и Кёнигсберга» мы посетили школу Крауса во время нашей «Кантовской поездки» в 2014 году. Вместе с нами там был и Михаэль Вик! В 1941 году эти школы были преобразованы в госпитали, а наши школы были переведены в местную начальную школу в соседнем пригороде Ратсхоф.

В школе нам выдали фотографию Гитлера, которую мы должны были повесить дома, что мы и сделали. Мой брат вспоминает, что для этого сняли копию портрета Альбрехта Дюрера «Иероним Гольцшуэр», что ему совсем не понравилось. Некоторое время спустя нам выдали ещё и фотографию заместителя Гитлера Рудольфа Гесса. Но прежде чем мы успели её повесить, нам пришлось вернуть её в школу. Гесс был объявлен предателем из-за своего перелёта в Англию.

Портрет Гольцшуэра

С 1943 по 1944 год я ходила в лицей для девочек на Гинденбургштрассе, на пересечении с улицей Хуфеналлее. Каждый урок начинался с того, что мы вставали, когда учитель входил в класс, и поднимали руку в обычном гитлеровском приветствии. Я помню нашу учительницу религии фрайляйн Блох. Мы получили в школе Новый Завет. Где-то в начале одной из глав было написано «Иисус Иудей» - позже я тщетно пыталась найти этот отрывок в других заветах. Мы все должны были подойти к учительскому столу фрайляйн Блох, она с каменным выражением лица вычёркивала слово «иудей» без объяснения причин.... Тогда я этого не понимала, но, конечно, не осмелилась спросить. Почему бы Христу не быть евреем? Я даже думала, что он и был евреем, потому что он таким родился.

В школе было ещё одно важное занятие. Мы собирали вторсырьё: бумагу, металлолом и упаковку. Я много раз ходила по соседям от двери к двери и нередко получала много вторсырья. Так зачастую собиралось больше 50 килограмм, которые я затем возила в школу одна, то на велосипеде моей матери, то на санках или на ручной тележке. Был случай, когда несколько раз мои тяжело нагруженные санки переворачивались в растаявшем снегу на Лавскер-аллее, и груз сваливался на дорогу. В конце концов, я была в отчаянии и даже плакала. Я была удивлена, что меня не ругали за опоздание в школу. Думаю, они поняли, как мне было трудно. Вторсырьё взвешивалось и за него мы получали баллы... Я всегда получала награды, потому что у меня было больше всего баллов в классе или во всей школе. Я думала, что получать призы – это нормально, но у меня всё-таки было ощущение, что я просто выполняю свой долг, потому что, очевидно, это было полезное дело.

Союз девочек

В 10 лет, одновременно с переходом в гимназию, я стала членом Союза девочек («Юнгмэдель-бунд»), который принадлежал к так называемой «Гитлерюгенду».

Когда меня принимали, меня спросили, арийка ли я. Я не знала, что означает «арийка», и сказала об этом. На следующий вопрос, еврейка ли я, я ответила отрицательно... Я лишь на короткое время была в региональной группе Союза девочек, которые встречались в подвале виллы президента Рейхбана (государственных железных дорог) Баумана. Потом я перешла в межрегиональную группу флейтисток. Мы ходили с ней в госпитали, чтобы петь с солдатами, играть на флейте или играть в настольные игры. В таких случаях мы носили форму Союза девочек. К сожалению, мне не удалось найти ни фото формы, ни себя в этой форме...

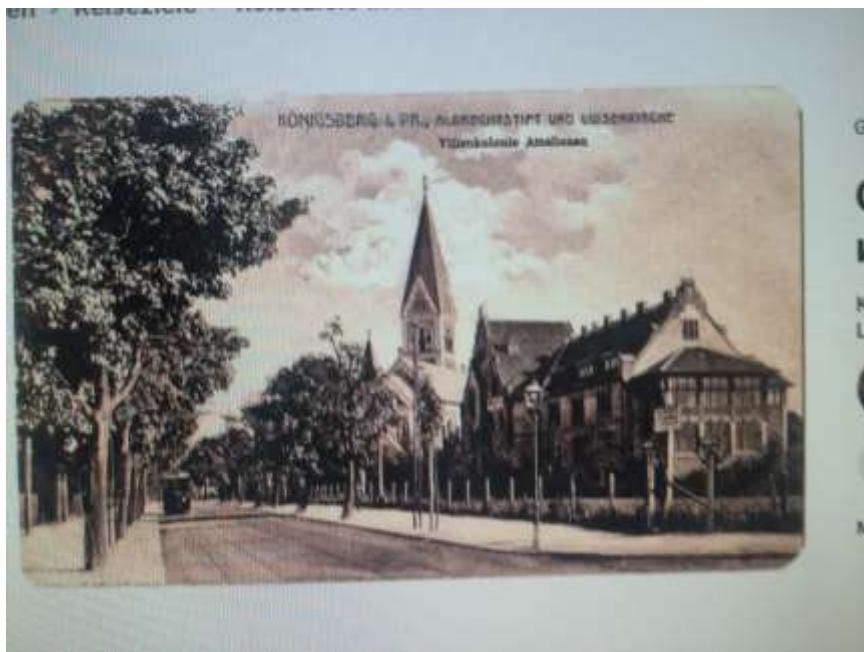
На летние каникулы был запланирован лагерь для девочек. Эти лагеря, естественно, служили для интенсивной политической подготовки. Моя мама изо всех сил пыталась освободить меня, потому что мы хотели провести отпуск с семьёй на Куршской косе, куда я не могла поехать самостоятельно. В наказание за отсутствие в лагере мне пришлось после каникул доставить в Союз девочек 1 кг сушеных листьев ежевики. Я не знала, для чего их собирать, и чувствовала, что это придирка, потому что это должны были быть листья ежевики, которых я не смогла найти на природе. Так что я пошла в сад друзей моих родителей и – с угрызениями совести – ощипала кусты почти догола.

Прогулка по городу

Карта города

Что я знала и что пережила в Кёнигсберге? Думаю, я покажу вам всё это в виде виртуальной прогулки, которую я могла бы совершить даже сегодня в моей памяти. Прогулка начнётся так же, каким был мой путь из школы в лицей.

Кирха королевы Луизы (ныне Театр кукол)

Кирха королевы Луизы располагалась на моём пути в школу на повороте от Лавскер-Аллее к Хуфену. Оттуда мой путь пролегал по Хуфен-Аллее (ныне проспект Мира), попросту называемой Хуфен, мимо Гинденбург-штрассе (ныне ул. Космонавта Леонова), где находился мой Лицей для девочек, и мимо любимого мною Зоопарка, о котором я часто вспоминаю с любовью.

Дальше путь пролегал мимо площади Эрих-Кох-Плац, которая по своей архитектуре весьма соотвествовала национал-социалистским канонам. Я помню, что её часто называли «Вальтер-Симон-Плац». Так эта площадь изначально называлась. Она была названа в честь величайшего мецената Кёнигсберга, банкира Вальтера Симона, который подарил землю своему родному городу под спортивную площадку. (Кстати, Вальтер Симон также был именно тем человеком, который в конце XIX века заказал художнику Эмилю Дёрстлингу картину «Кант и его сотрапезники» для Альбертины.) Поскольку Вальтер Симон был евреем, в 1933 году площадь была переименована в честь нацистского гауляйтера Восточной Пруссии в «Эрих-Кох-Плац».

«Эрих-Кох-Плац» (ныне стадион «Балтика»)

Теперь мой путь проходил налево, по хорошо знакомым мне улицам, так как это был путь к нашим дедушке и бабушке, мимо Фогельвайде, через Лорцингштрассе (обе улицы ныне ул. Носова) – здесь

проходя мимо дома моих любимых бабушки и дедушки – я поворачивала налево на улицу Брамса и выходила к зданию Восточно-Прусской Ремесленной школы для девушек (ныне Дом офицеров на ул. Кирова), которое меня впечатляло уже тогда. Кёнигсбержцы также называли эту школу, в которой обучалась моя мама, «Клопс-Академией».

13

Ремесленная школа для девушек

По улицам Брамса и Генделя мы придём к известному всем Северному вокзалу. Большинство наших поездок за город начинались отсюда. Недалеко был театр, а также скульптура «Два борющихся зубра». За зубрами в красивом здании Высшего земельного суда судьями работали два моих прадеда по отцовской линии, чьи дети поженились и стали нашими дедушкой и бабушкой.

DER NORDBAHNHOF (oben), das Tor zu den Bädern des Samlandes und der Nehrung. — Das Neue Schauspielhaus (unten), eine Stätte künstlerischen Schaffens inmitten schöner Anlagen.

Северный вокзал, Полицейский президиум, театр

«Борющиеся зубры» символизировали борьбу прокурора и адвоката.

Теперь я сажусь в трамвай, идущий по улице Штайндамм. Насколько я помню, я никогда не ходила по Штайндамму пешком, а всегда ездила по нему на трамвае. Поэтому я никогда не проходила мимо красивых магазинов, о которых часто упоминают другие.

Я выходила недалеко от Парадеплац (Парадной площади). С неё открывался вид на Альбертина, Кёнигсбергский университет, где преподавал мой дед. Бабушка показывала мне бюсты профессоров Канта в холле. В начале 90-х я убедилась, что их там больше нет...

Парадная площадь, Альбертина

Я оборачиваюсь и смотрю на противоположную сторону Парадеплац, где находился самый крупный книжный магазин в Европе: «Грефе и Унцер». Сегодня это имя известно, как издательство, которое преимущественно издаёт кулинарные книги. В подвале был отдел детской книги, который был переоборудован, в нём был большой круглый стол. Мы часто садились за него, когда мама хотела спокойно пройтись по этому книжному магазину.

Книжный магазин «Грефе и Унцер»

Продолжаем движение по Театральной улице (ныне не существует, сегодня это место на углу улиц Пролетарская и Шевченко), где находился кабинет нашего педиатра, в направлении замка.

Замок

Насколько я помню, напротив входа во двор замка находилась «Арка Шёпота», где мы пробовали говорить шёпотом, и она нас, братьев и сестёр, очаровала.

Конечно я помню во Внутреннем дворе замка известный винный ресторан "Блютгерихт", в котором бывал ещё студентом мой отец. Рядом была замковая церковь, где мы как-то раз присутствовали на конфирмации одной из подруг.

DER NORDFLÜGEL (oben, links im Bild) war der älteste Teil des Schlosses. — VOM OSTFLÜGEL geht (Bild unten) der Blick über den Schloßhof nach der Schloßkirche in der Westseite und der Turnergalerie des Nordflügels, unter der man den Eingang zum weitbekannten Blutgericht sieht.

Внутренний двор замка

Я до сих пор помню, как моя мама с воодушевлением рассказывала нам, что Янтарная комната «теперь находится в Кёнигсбергском замке, и мы обязательно должны её увидеть».

Янтарная комната

Король Фридрих I в 1712 году повелел мастеру барочного искусства Эозандеру сделать и установить Янтарную комнату из янтаря, золота и зеркал в Берлинском дворце. Четыре года спустя его сын, не ценивший искусство «король-солдат» Фридрих Вильгельм I обменял Янтарную комнату у царя Петра I на своих любимых «длинных парней», как он называл своих высоких солдат. Янтарная комната была сначала установлена в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, а вскоре после этого в Екатерининском дворце в Царском Селе под Санкт-Петербургом. Там она была захвачена немецким вермахтом в 1941 году и установлена в Кёнигсбергском замке. Во время наступления Красной Армии она был упакована и, вероятно, вывезена. С тех пор она утеряна и является одной из величайших загадок послевоенной истории.

Конечно, мы посетили Янтарную комнату в Кёнигсбергском замке. Помещение было не очень большим и относительно темным, поскольку свет проходил только через маленькое окошко в толстых

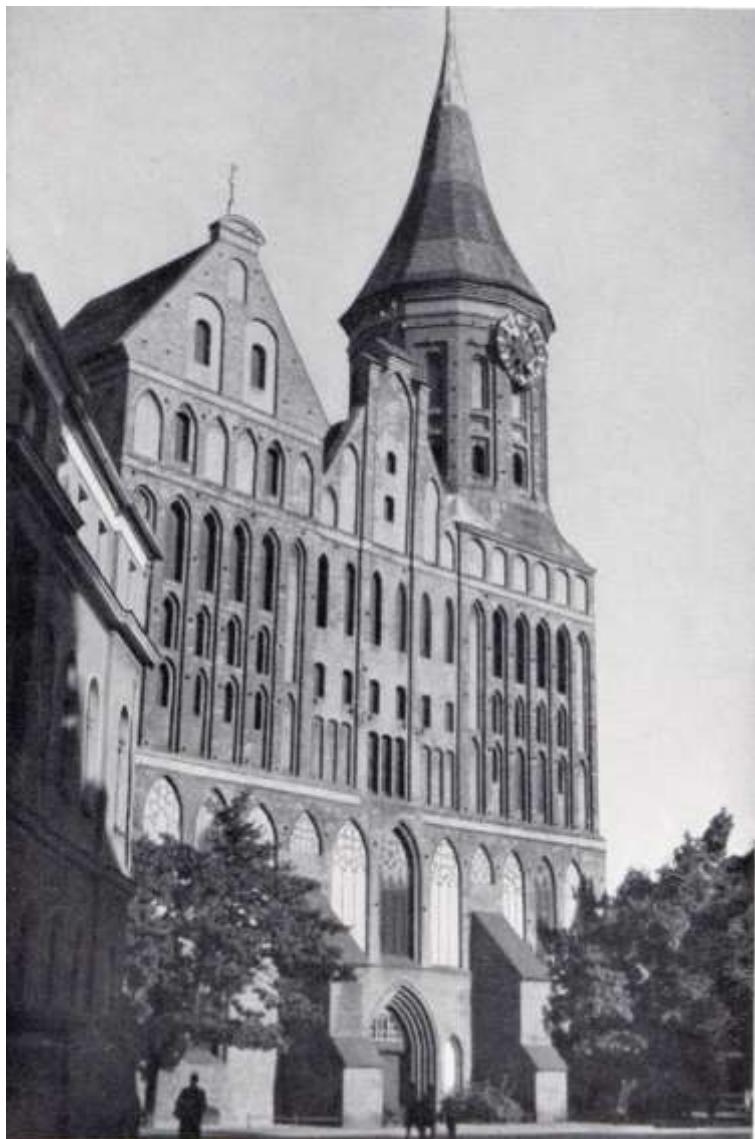
стенах, это было несравненно с чудесным залом в Екатерининском дворце в Царском Селе. Но мы очень восхищались этой уникальной работой. Конечно я благодарна судьбе, что видела ту старую Янтарную комнату.

Продолжаем движение в сторону Кнайпхофа. Я проходила через Рыбный рынок. В то время это было единственное место в Кёнигсберге, где я слышала широко распространённый восточно-прусский диалект, в остальном же в Кёнигсберге говорили на литературном немецком языке.

Рыбный рынок.

Затем я прохожу по мосту через Прегель, сейчас нахожусь на Кнайпхофе и иду к Кафедральному собору, который я все ещё хорошо помню.

Кафедральный собор

Когда я впервые приехала в Калининград в 1995 году, это всё ещё были развалины без крыши и окон. Я следила за последующей реконструкцией собора вплоть до её завершения и была этим очень тронута.

Окрестности Кёнигсберга

Церковь Юдиттен был расположена в пригороде Кёнигсберга, но от нас она была недалеко, всего нескольких остановок на трамвае. Однажды мы были там на рождественской службе. Прежде всего, я увидела в изумлении готические своды, рёбра которых упирались в стены. К сожалению, я не увидела там этих сводов, когда мы посетили церковь пять десятилетий спустя. Но церковь всё ещё стоит.

Церковь Юдиттен

Innenansicht der tonnengewölbten Querhalle

Готические своды церкви Юдиттен

Путешествия

Каждое лето мы ездили на несколько недель в Нидден (ныне Нида в Литве) на Куршской косе. Мы ехали на поезде до Кранца, а затем на пароходе пересекали залив в сторону Ниддена. У нас было много багажа, но в ту пору были носильщики. Например, наш большой женский чемодан был полон картошки, которую было нелегко доставать на косе в нужном нам количестве. Носильщик, помню, застонал и сказал, что у нас в чемодане, наверное, камни. В Пиллькоппене нас «пересадили» на лодку меньшего размера, которая доставила нас к берегу. Там нас подобрала подвода, запряжённая лошадьми, и отвезла к дому нашего знакомого рыбака в Ниддене, где мы проводили каникулы.

Внешний вид Ниддена был тогда совсем другим, нежели сегодня. Это была рыбацкая деревня. Все дороги, включая Почтовый тракт, большую дорогу из Кранца через лес в Мемель, были песчаными.

Нидден, высадка с корабля, конная подвода

Песчаная дорога в Ниддене.

На песчаном берегу залива были доски, по которым было удобнее ходить, но приходилось балансировать на этих узких досках. В то время на косе не было машин, только конные повозки. В основном все передвигались на пароходе по заливу.

Высокая дюна, куршские парусные лодки

Продукты, в том числе овощи, привозили баржи или лодки. Нам приходилось добираться к ним по колено в воде.

Доставка овощей на косу

Наши рыбаки давали нам молоко и рыбу, в том числе рыбу, копчёную у нас на виду, и кур, забитых тут же.

Мемельский рынок

За всем остальным мы отправлялись на пароходе в Мемель на очень красивый Мемельский рынок. Там также можно было найти Мемельскую керамику и Мемельское льняное бельё, которые ценили моя мама, а позже и мы, дети. Жизнь в Ниде на Куршской косе была для меня более занимательной, чем в городе.

Маленькая Эрика

Мы ходили каждый день на море, где, как и все гости, строили свой замок из песка. Там мы встречали немало знакомых из Кёнигсберга.

Лоси

Лосей мы всегда высматривали в сумерках, когда ездили на конном экипаже, которым управлял мой отец. Лоси боялись не лошадей, а людей.

Побег

Последний раз мы использовали эти ключи от квартиры на Риттерштрассе 11 июля 1944 года. Мы, дети, думали, что едем на каникулы...

Ключи от квартиры на Риттерштрассе

Наш побег, в конце концов, состоялся 11 июля 1944 года. Он не считался таковым, поскольку мы бежали без риска смерти. Бежать было категорически запрещено. Чтобы не вызывать подозрений, у нас с собой была только ручная кладь, как будто мы едем в отпуск. Отец договорился с моей матерью: «Вы должны немедленно уехать из Кёнигсберга, если я скажу по телефону: «Ганс болеет туберкулёзом, ему нужно лечь в больницу». Эта новость пришла 10 июля 1944 года. Моя мама пошла к жившему по соседству президенту Рейхсбана Бауману, чтобы посоветоваться. Он тоже настоятельно советовал это сделать. Ожидался прорыв Красной Армии, который, однако, состоялся только в январе следующего года. Моя мать, должно быть, с большим трудом приняла решение бежать. Нежданно-негаданно мы вместо Ниддена поехали на запад. С нами в переполненном по-

еезде были дети, которых ранее вывозили с запада в Восточную Пруссию, чтобы защитить их от воздушных налётов на большие города. Теперь оказалось, что им грозит смертельная опасность даже в сельской местности на востоке. Ясно, что президент Рейхсбана должен был знать о таком развитии событий и что эти перевозки не могли произойти без его ведома. Тогда я ещё не знала, что увижу свою родину только через пять десятилетий.

Во время моего последнего визита в Кёнигсберг мы заехали в наш бывший дом на Риттерштрассе в Амалиенau. Член нашего Правления Борис Воробьёв, который знаком с кем-то в доме, совершенно неожиданно договорился о визите нас с братом в нашу бывшую квартиру. Перед домом нас встретили несколько дружелюбно улыбающихся семей, и один ребёнок подарил мне букет одуванчиков. Самая старая жительница дома поцеловала мне руку – и я поцеловала её руку в ответ. Во время войны она работала в немецкой семье. Мы увидели нашу квартиру, в которой жила в 3-м поколении другая семья, которая очень тепло нас встретила. На прощание они сказали нам, что в следующий раз мы должны запланировать больше времени и выпить с ними чай.

В следующее воскресенье мы с братом пошли в бывшую квартиру наших бабушки и дедушки в сопровождении говорящего по-русски друга, который нам переводил. Там тоже было удивительно, что нас тут же пригласили войти. Мы сидели в спальне моей бабушки, где я родилась, и часто позже лежала в постели с бабушкой. Я тут же узнала эту комнату, только она была намного меньше, чем я её запомнила. Здесь тоже мы вели открытые, дружеские беседы.

Я глубоко признательна за эти очень тёплые встречи, за их дружескую открытость и непосредственность.

Приложение:

Янтарная комната – парадное помещение, стены которого покрыты янтарём, золотом и зеркальными элементами. Она была создана по заказу прусского короля Фридриха I по эскизам зодчего в стиле барокко Иоганна Фридриха Эозандера начиная с 1701 года и установлена в Берлинском дворце в период до 1712 года. Уже в 1716 году король Фридрих Вильгельм I, не очень интересовавшийся искусством, обменял Янтарную комнату у русского царя Петра I на высокорослых солдатов. Сначала царица Елизавета повелела в 1741 году разместить комнату в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге и, наконец, в 1755 году в Екатерининском дворце в Царском Селе. Она пробыла здесь почти два столетия. Во время Второй мировой войны Янтарная комната была захвачена вермахтом в 1941 году и затем выставлена в Кёнигсбергском замке. Во время наступления Красной Армии в 1944 году она была перевезена и с тех пор пропала без вести. Детальная реконструкция этого парадного зала, известного как «Восьмое чудо света», с 2003 года вновь находится в Екатерининском дворце.

«Немецкие христиане» (DC) было расистским, антисемитским и ориентированным на лидеров национал-социализма движением в немецком протестантизме, которое в период с 1932 по 1945 год стремилось привести его в соответствие с идеологией национал-социализма. Оно было основано в 1931 году как отдельная церковная партия в Тюрингии, а в 1933 году стало руководить несколькими региональными церквями Немецкой евангелической церкви (DEK). Это движение спровоцировало церковную борьбу с другими христианами-протестантами в результате своей политики насилиственного приобщения к господствующей нацистской идеологии и попытки исключить христиан еврейского происхождения путём принятия «арийского параграфа» в церковной конституции. В ответ на это в мае 1934 года была основана Исповедующая церковь, которая считала «Немецких христиан» еретиками и исключала их из церковной общины.

На историческом гербе Кёнигсберга изображены три герба ранее независимых городов Кнайпхоф, Альтштадт и Лёбенихт, объединённых прусским орлом. Он был учреждён в 1724 году Фридрихом Вильгельмом I в качестве печати по случаю объединения городов, а в 1906 году магистрат объявил его гербом города. Орёл имеет на груди инициалы FWR (Friedrich Wilhelm Rex), над ними герцогская корона, а на голове королевская корона Пруссии.